

Леонид Андреев. Герман и Марта

Источник: Леонид Андреев. Повести и рассказы в двух томах. М.: Худ. литература, 1971. Том второй: 1907-1919 гг. Стр. 211 - 216.
Электронная версия: В. Г. Есаулов, 11 декабря 2005 г.

Обоим влюбленным было за пятьдесят: Марте Иконен - пятьдесят один год и Герману Метанену - пятьдесят шесть. Когда началась у них эта странная, смешная и печальная любовь, не знал никто в Мецикюлях, да и не старался узнать: там люди молчаливы, и скрытность их естественна, как естественно молчание зеленых мхов, безгласность снега и глубокая тишина невысоких небес. Оба они вдовели: и Марта и Герман - но каждый в браке своем жил хорошо, как это принято у молчаливых людей, которые не кричат и не жалуются; и у Марты был сын, высокий, худой склонный к чахотке, работающий Вилли, а у вдовца осталась дочь, уже немолодая и некрасивая девушка, с широкоскулым злым лицом и водянистыми глазами. Ее серо-желтые волосы напоминали парик у дешевых кукол, а юбка непонятного цвета и вылинявшая кофточка имели такой вид, как будто больше всего на свете ненавидит она свою одежду. Звали ее Тильда.

Но далеко позади тихой полосы вдовства, за тем временем, когда еще не рожались на свет ни Вилли, ни Тильда, вспоминалось старикам нечто милое сердцу, что и было, вероятно, началом их необыкновенной любви. Однажды летом, идя каждый по своему делу, они встретились в лесу и молча прошли вместе восемь километров; у большой дороги они простились, и каждый пошел дальше по своему делу: Марта, тогда еще девушка, готовилась к своей свадьбе, а Герман, тогда еще жених, готовился к своей. Только всего и было; впрочем, прощаясь, Герман долго держал руку девушки, а она долго держала свою руку в его руке, но молчания они не нарушили и оба смотрели в сторону. Это было летом, у большой дороги, на опушке леса. И Герман видел возле трухлявого пня кустик земляники, которой много уродилось в то лето, а Марта слушала, как звенят бубенцами невидимая в лесу корова и теленок; но сказать они ничего не сказали и молчания не нарушили.

Овдовев, они стали чаще видаться друг с другом, но не так часто, чтобы это бросалось в глаза; иногда неделями не встречались. Дома их, проконопаченные мхом, почерневшие от снега и осенних дождей, находились рядом, и смежные небольшие участки их земли разделялись гнилым забором из наклонных черных жердей; в одном месте верхние жерди проломились, и тут был лаз, которым они пользовались для соседских деловых сношений. И у Германа его неширокая полоса земли была под травой, и не было на ней ни кустика, ни дерева, а у Марты часть земли запахивалась сыном под овес, и был, кроме того, кусок серого корявого леску, откуда брали сучья на зиму. И вокруг, до самого черного сплошного леса на холме, стояли одиноко такие же домики и такие же заборы, и жили в них всё такие же Иконены и Метанены: других фамилий почти совсем не было в Мецикюлях. Вероятно, все они находились в далеком родстве, как в родстве состоят и деревья в лесу, родившиеся от общего семени.

С любовью своею Герман и Марта не торопились, и она росла медленно, как всякая поросль: весной и летом быстрее, зимою совсем останавливалась; очень возможно, что они просто не замечали течения времени или не видели ему конца. И когда решили они пожениться, то встало перед ними новое препятствие: по строгому закону страны, старики за пятьдесят лет могут венчаться только с разрешения детей. Они знали и раньше про этот закон, но, может быть, им не хотелось про него думать; но тут пришлось.

Происходило это весной, в мае, когда всякая любовь шагает быстро; но, хотя день был ясный и теплый, сидели они в избе у Марты, на лавке, перед закрытым окном, за которым неясно желтел луг в золотеньших скромных цветочках. И оба думали.

- Вилли не позволит, - сказала Марта.

- Нет, позволит. И моя Тильда позволит. Как ей не позволить? - ска зал Герман. У него были рыжие бачки кустиками и красное сморщенное лицо; с годами он стал легкомыслен и самонадеян.

- Нет, не позволит, - сказала Марта.

И Вилли действительно не позволил. Через неделю вечером, у того же окна, он выслушал просьбу матери и долго молчал, сжав тонкие серые губы. Вероятно, он был удивлен, но не показал этого, и в его голубых, как кусочки стекла, маленьких глазах нельзя было прочесть ни удивления, ни сочувствия,